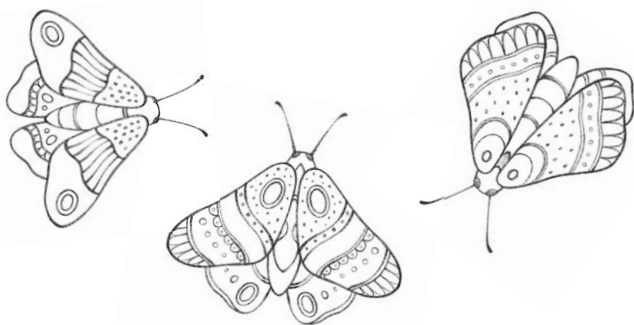

Часть первая

Глава 1

УТРО

Она вытянула поджатые к самому подбородку ноги и перевернулась, укладываясь поудобнее. Сырость и холод навалились одновременно. Бок казался заледеневшим, а теперь замерзала и спина. Голова упиралась затылком во что-то жесткое, а локоть, напротив, увязал в податливом и влажном. Она вздрогнула и рывком села, вытаращив глаза. На мокрой траве газона тускло-красными и блекло-желтыми кляксами смутно выделялись кленовые пятерни. Одна нога соскользнула с бетонного бортика на тротуар, вторая уперлась голой пяткой в холодную землю. Вылинявшие до белизны джинсы, художественно разодранные на коленях и бедрах, насквозь промокли с правой стороны.

Девушка поднялась на ноги и принялась медленно поворачиваться на месте, недоуменно и испуганно озираясь по сторонам. Небо в просвете

между двумя домами только начинало светлеть, и разглядеть, где она оказалась, было довольно сложно. Холодный асфальт заставил ее по очереди поджимать то одну, то вторую ногу. «Почему так холодно?» Она обхватила себя руками и стала похожа на нелепую птицу, топчущуюся в узком дворовом проезде, который тянулся вдоль унылого двенадцатиэтажного дома, исчезая в утреннем тумане.

Сбитая с толку, растерянная и продрогшая в растянутой хлопчатобумажной толстовке, она повернулась спиной к расширявшейся полоске рассвета и сделала осторожный шаг. Потом еще один. В босые ступни немедленно впились мелкие камешки. Огромный корабль дома плыл в полном безветрии и невозможной тишине, на его гигантском боку не светило ни единого окна. Девушку затрясло от холода и ужаса. И этот дом, и двор, самый обычный с виду, были ей незнакомы.

«Где я? Что со мной? Я...» — Она не понимала, что происходит. «Я» — такое простое и незыблемое — повисло в пустоте. Никаких следов того, что обычно окружает это определение, — даже имени своего она вспомнить не могла! Дом был домом, незнакомым, но дающим четкое понимание, что это такое. То же и с двором, небом, кустами... Но стоило подумать о себе, и нахлынула паника. Сердце заколотилось, перестало хватать воздуха. Она задыхалась ртом, глубоко и часто, но это не помогло. Вязкая тишина сумеречного двора обволакивала и сжималась на горле душащим кольцом.

Судорожно всхлипнув от страха, она сорвалась на бег. Бесцельный, безоглядный. Глаза широко

распахнулись, дыхание с хрипом вырывалось из открытого рта — единственный звук, который нарушал эту страшную тишину. Мысли хаотично и бестолково метались в голове, сталкиваясь и рассыпаясь: «Что это? Почему? Мне надо домой... Куда — домой?» Запредельный ужас, охвативший ее всю, целиком, гнал и гнал вперед.

Возле угла дома ей пришлось остановиться. От сумасшедшего бега заложило уши, закололо в бок. Девушка согнулась, упираясь в колено одной рукой. Другая вцепилась в пояс джинсов, туда, где острым ножом тыкалось в живот колотье.

— Мама! — коротко и отчаянно прохрипела она пересохшим горлом, глядя прямо перед собой на серый, заметенный мелким песком асфальт.

Сиплый вскрик завяз в неподвижном воздухе, как ложка в стакане крутого киселя. Произнесенное вслух слово не нашло никакого отклика ни в пустом дворе, ни в ее голове. От этого стало еще страшнее. Мысли понеслись по кругу, усиливая панику: «Что происходит? Где я?» Кровь прилила к лицу, на виске задержалась тонкая вена. В памяти не было ни одного знакомого лица, ничего, что могло бы понять происходящее.

За хрипами в груди и оглушительным стуком сердца ей послышался какой-то новый звук, оборвавший сумятицу мыслей. Шорох? Шуршание? Шипение, которое издает кран, когда вместо воды из него вырывается воздух? От этого непонятного звука кожа девушки немедленно покрылась мурашками. Она принялась затравленно озираться, но вокруг не было видно никакого движения.

Звук доносился отовсюду и ниоткуда, не приближаясь и не отдаляясь, пугающий, неопределенный и... живой. «Р-х-ш-ш...»

Темнота в кустах под окнами дома словно сгустилась, почернела. Девушка принялась всматриваться в нее до рези в глазах и внезапно, повинуясь безотчетному порыву, попятилась. Сначала медленно, потом все быстрее, запинаясь и всхлипывая от ужаса. В панике она снова бросилась бежать, сбивая ноги, совершенно потерявшие чувствительность от холода. Страшный звук исчез. Остался где-то позади, затерявшись в тяжелой тишине неподвижного воздуха.

Между двумя домами туманным провалом зиял проход к дороге. Девушка завернула за угол, скобочившись и держась за живот. Улица тоже оказалась абсолютно пуста. Смутно понимая, что так быть не должно, она попыталась сообразить, чего же не хватает. Вдалеке желто и ритмично вспыхивал и гас глазок светофора. Догадка вспыхнула молнией — машины! Их не было совсем. Ни одной. Ничто не двигалось в холодном ущелье улицы. Даже отсутствие людей пугало меньше, чем эта полная неподвижность. Окружающее казалось декорацией к фильму ужасов, заброшенной и ненастоящей. Фонари, вывески, рекламные щиты не горели. Окна зданий по обе стороны дороги леденели чернильной тьмой. Все вокруг словно покрылось серым налетом: дома, дорога, полуголые скелеты деревьев с остатками неподвижных листьев. Девушка замерла на месте, не понимая, куда теперь бежать и что делать дальше. Это было похо-

же на кошмарный сон, и она желала только одного — проснуться. Сейчас. Немедленно. Пальцы ног поджимались, и разглядывание собственных босых ступней на грязном холодном асфальте делало ситуацию еще безумнее.

Небо понемногу светлело, но на улице по-прежнему царил тишина и полное отсутствие движения. Серый налет не исчез вместе с тающими сумерками, напротив, стала отчетливей видна блеклость красок.

«Сколько времени?» — проскочила у нее нелепая мысль, и рука сама поднялась запястьем вверх. Его обнимал браслет с чудесными часами: в позолоченный металл были вправлены натуральные камни цвета карамели, с искорками в глубине. Она понятия не имела, откуда они взялись, эти дорогие часы. Золотая секундная стрелка не двигалась, часовая замерла на римской цифре шесть, а минутная — на тройке.

Ухоженные ногти блеснули благородным бежевым лаком. Она невольно задержала взгляд на руке. Пошевелила пальцами. Задышала часто-часто, к горлу подступила едкая горечь: руку — несомненно, свою собственную — она словно видела впервые.

— Эй, кто-нибудь? — жалобно позвала девушка, оглядываясь по сторонам.

Эхо — негромкое, приглушенное — пробежалось до пустой автобусной остановки и застряло в дырчатом металле ненадежных стенок под пластиковым навесом. Возле перевернутой урны валялись обрывки бумаги, пустые жестянки и желтая игрушечная

машинка без передних колес. Почему-то именно этот автомобильчик — пузатый, неожиданно яркий — вызывал наибольший ужас. Может быть, потому, что никто не тянул его за веревочку? Она лежала на земле, протянувшись от переднего бампера к краю тротуара, похожая на дохлого червяка.

Холод вызвал очередную волну дрожи. Девушка ощутила, что ноги почти примерзают к асфальту. Поминутно оглядываясь и всхлипывая, она побрела вдоль дороги, натываясь взглядом на пустые окна, мелкий мусор, зачем-то поставленный на попа прямо посреди тротуара пластиковый ящик. Вокруг громоздился чужой холодный город под низким небом, притихший и серый. Казалось, весь мир расплылся, как потемневшая от времени фотография, и потерял четкие очертания.

Страх побуждал бежать, но куда? Она снова остановилась и растерянно затопталась на месте, не зная, что делать дальше.

Откуда он мог вывернуть, девушка не имела понятия. Секунду назад улица была совершенно пуста, а теперь всего в паре десятков метров впереди ей навстречу шел человек. Шел медленно, неожиданно замирая на пару секунд и снова начиная двигаться. Она рванулась к нему, забыв про холод и страх, из груди вырвалось короткое рыдание — облегчение как будто ослабило туго затянутую внутри пружину.

— Помогите!

Отчаянный вскрик не оказал на незнакомца никакого эффекта. Он продолжал двигаться неровными рывками.

— Помо...

Голос сорвался на полуслове. Пожилой мужчина был совершенно гол. Дряблая кожа груди и большого обвисшего живота отдавала нездоровой желтизной; руки, будто деревянные, приклеились к бокам; лицо — сильно небритое, унылое — застыло равнодушной маской; а глаза, утонувшие под нависшими бровями, невидяще смотрели куда-то выше головы девушки. Она встала как вкопанная, невольно приоткрыв рот, а мужчина, механически передвигая уродливо-худые ноги, подошел уже совсем близко.

Бросив растерянный взгляд по сторонам, она убедилась, что, кроме них двоих, на улице никого больше нет.

— Простите, — слова давались ей с трудом, — мне нужна помощь.

Старик прошаркал мимо, не обращая на нее никакого внимания, все с тем же отрешенным видом.

Потрясенная, она машинально шагнула следом.

— Четвертинку серого, — невнятно пробормотал он вдруг и быстро-быстро затряс головой.

«Да что же это такое? — поднялась в душе у девушки гневная волна. — Какой-то сумасшедший? Ладно! Но где все остальные? Где люди?» Понимая, что помощи от старика не добиться, она все-таки пошла за ним, боясь снова остаться в одиночестве. Но спутник прошагал молча всего несколько шагов и внезапно остановился.

— Туда! Мне — туда! — громко прокаркал он ломким голосом и взмахнул обеими руками, указывая в конец улицы. Потом хрипло рассмеялся одними

губами, не меняя выражения лица, и добавил затухающей скороговоркой: — Все там будем. И четвертинку серого.

Девушка отпрянула, попятилась и еще долго стояла, глядя вслед нелепой фигуре, удалявшейся под сухое шарканье босых ног. Когда голый старик почти скрылся из виду, она еще некоторое время колебалась, не пойти ли за ним, но ноги сами понесли в противоположную сторону. В результате она снова брела на подмигивание далекого глазка светофора, напоминавшего маяк для заблудившихся кораблей, настолько сбита с толку, что оказалась не в состоянии даже думать.

Далеко уйти не удалось. Рассвет, силившийся разогнать темноту, странно задержался, как будто солнце внезапно передумало подниматься. Казалось, так и не поднявшись над городом, оно снова завалится обратно за невидимый горизонт. Узкая пустынная улица нагоняла на девушку ужас. Дело было даже не в отсутствии людей, улица казалась ненастоящей, неживой... иной. В чем заключалась эта «инаковость», уловить никак не получалось, и от этого становилось только страшнее. К глазам подступали слезы, и она изо всех сил старалась не разреветься от отчаяния.

— Эй! Э-эй! Кто-нибудь? — крикнула она.

Тишина сожрала этот жалкий призыв. Проглотила.

— Люди!

Обезумев от страха, девушка готова была колотить в окна, но те располагались слишком высоко — не дотянуться.

На глаза попался обломок кирпича. В сознании мгновенно проявилось узнавание, прямо-таки рекламный буклет на тему «Кирпич и все, что с ним связано». Строительство, падение на голову по воле судьбы для особо с ней несогласных, сравнение с этим нехитрым предметом любой тяжести, превышающей нормальную... Неровная половинка, бурая от влажного песка, лежала на истоптанном газоне у дороги. Девушка потянулась за ней, ухватила за грязный бок, пачкая руку, и со всей силы швырнула в ближайшее окно. Короткий полет закончился стеклянным взрывом — глухим «бомц!» и опадающими осколками. Бросая его, девушка вовсе не знала, чего ожидать, но, едва посыпались стекла, она даже присела, моментально вспомнив о том, какая реакция должна за этим последовать.

Кирпич провалился в темноту чужого жилья, и больше ничего не произошло. Никто не высунулся из разбитого окна с проклятиями, не загорелся свет. Хулиганский поступок все же возымел эффект, хоть и не тот, которого она испугалась. Теперь стало совершенно ясно: никакой это не кошмарный сон — мокрая и грязная рука была тому лучшим доказательством.

Девушка брезгливо вытерла ладонь о джинсы и отвернулась от разбитого окна. За спиной послышался шорох. Тихий, вкрадчивый, на грани восприятия. «Р-х-ш-ш». С таким звуком ветер гонит по асфальту смятую газету. Вот только никакого ветра не было. И звук шел со стороны окна. «Р-х-ш-ш-а...» Она осторожно оглянулась через плечо, до боли скосив глаза в сторону звука, напряженная, готовая

сорваться с места. В беспросветном провале рамы, утыканной острыми осколками невыпавшего стекла, шевелилось нечто. Как будто темнота могла менять очертания, как будто стояла жара и воздух плавился знойным маревом прямо в глубине квартиры...

Девушка взвизгнула и рванула прочь, забыв о босых ногах, подгоняемая шуршащим шипением. Злобным, если звук может источать злобу. Она не знала. Не понимала, что возможно, а чего не бывает. Каждое действие пробуждало в памяти детали, о которых секунду назад она не помнила. Отбежав от страшного места, девушка остановилась, настороженно озираясь и прислушиваясь. Превратилась в сплошные глаза и уши. Прежняя тишина обволокла ее снова, но больше не могла обмануть.

На другой стороне улицы, выбиваясь из одинаковой серости домов, торчала самая обыкновенная коробка супермаркета. «Двадцать четыре» — большие цифры на уродливом фасаде не горели, но оставались ясно различимыми. Девушка перебежала дорогу, машинально поворачивая голову влево-вправо, но машин не было, и замерла в испуге: раздвижная стеклянная дверь магазина оказалась наполовину открыта, за ней — все та же тьма. В глубине что-то негромко брякнуло.

— Есть тут кто-нибудь? — прошептала девушка в полумрак зала.

Тишина. Память услужливо подсказала, что на входе должен стоять охранник, а кроме него — кассиры, продавцы. В полутемном зале не было никого. Длинные ряды стеллажей терялись в густой тени.

— Эй! — теперь она уже кричала срывающимся голосом. — Кто-нибудь?

Тишина. Все вокруг было неправильным, ненастоящим, неживым, и это пугало сильнее всего.

Она побрела вдоль касс, наткнулась взглядом на стойку с домашними тапочками — смешными и уютными, такими неуместными посреди кошмара — и вспомнила, что ноги, которые она почти не чувствовала, по-прежнему босы.

Сначала она не ощутила разницы между ледяным полом и мягкой пушистостью стелек, но минутой спустя онемение отпустило ступни, и они начали ныть.

Предраассветные сумерки за широкой витриной неохотно уступали дневному свету, но в самом магазине сумрак уходить не торопился. Девушка медленно двинулась к стеллажам, собираясь отыскать бутылку воды или пачку сока: у нее пересохло в горле.

— А-р-ш-ш-а-а, — донесся из глубины магазина леденящий душу, уже знакомый, но куда более явственный звук. Девушка вздрогнула, по рукам снова побежали мурашки, она попятилась, вглядываясь во мрак между стеллажами. Там что-то зашуршало, сухо и хрустко. Что-то посыпалось с полок, с грохотом раскатываясь по мраморному полу.

«А-р-р-ш-а-а...» — отдалось вибрацией в костях, загудело где-то в темечке. Звякнула и покатилась к кассам пустая магазинная тележка. На половине пути замерла, зато в дальнем конце зала что-то отчетливо загремело. Потом мелко затряслись ближние стеллажи, звеня выставленными на них банками.

Девушка метнулась обратно к кассам, замерла, не в силах пошевелиться, и вцепилась в край конвейерной ленты, чтобы не упасть: от ужаса подкашивались ноги. В глазах потемнело. Мысли исчезли все разом. Сердце подскочило к горлу и принялось биться там, пытаясь вырваться наружу.

— Беги!

Она подпрыгнула от неожиданности.

Негромкий голос шел из приоткрытых дверей. Там кто-то маячил, подзывая ее к себе:

— Беги, сюда!

Третьего раза не понадобилось — она со всех ног бросилась к выходу.

— А-р-х-ш-ш-а-а! — неслоь вслед, сопровождаемое грохотом и звоном рассыпающихся товаров.

Он был выше ее на голову. Худоватый, но не тощий. Без лишних слов схватил за руку и потащил за собой вдоль улицы прочь от магазина, туда, где без усталости продолжал мигать светофор. Сумерки почти рассеялись, стало намного светлее, но вокруг по-прежнему не было никакого движения. Парень быстро вымахивал длинными ногами в синих замшевых кроссовках, ей же приходилось семенить следом почти бегом, поджимая пальцы ног, чтобы не потерять на ходу розовые пушистые тапки. Она пыталась разглядеть лицо незнакомца, но никак не могла угнаться за его широким шагом.

— Подожди, — взмолилась девушка, когда супермаркет исчез из виду. Паника, охватившая ее в магазине, отступила.

Парень замедлился. Остановился. Обернулся, и она отшатнулась, зажимая рот ладонями. Его лицо —

симпатичное, с правильными чертами, крепким, но не слишком тяжелым подбородком и темными глазами — то проявлялось болезненно четко, так, что можно было разглядеть крошечную родинку на правой щеке и редкие точки щетины на подбородке, то вдруг размывалось, словно она смотрела на него из-под воды. Она моргнула, зажмурилась, потеряла глаза. Нет. Не помогло. Воротник его синего жилета-пуховика в представлении не участвовал. Оставался просто синим воротником. Значит, зрение было ни при чем. Кошмар продолжался!

— Кто ты? Что происходит? Где я?

Она пятилась, пока не уткнулась лопатками в стену.

— Тише, не кричи. — Он не двинулся с места, внимательно ее разглядывая. Всю. Целиком. От растрепанных светлых волос до тапочек на босу ногу. — Я — Аликвис. А ты? Помнишь свое имя?

Она открыла рот. Язык сделал невнятное движение, горло сжалось, готовое вытолкнуть порцию воздуха размером с одно слово. Всего лишь одно слово! Имя. Но... оно не прозвучало. Воздух вылетел горьким выдохом из губ. Глаза защипало от слез. Она покачала головой.

— Нет. Не знаю. Не помню! Где я? Кто ты такой?!

Ее голос взлетел до визга, подкатывала самая настоящая истерика.

— Ш-ш...

Он коснулся своих губ длинными и удивительно красивыми пальцами.

— Не шуми так. Не надо. Тебе повезло, что я услышал тебя, но больше кричать не стоит. Лучше

сосредоточься. Попытайся вспомнить ну хоть что-нибудь.

Вместо этого она обняла себя обеими руками за плечи. Холодное и бледное солнце совсем не давало тепла. Хотелось плакать. Хотелось пить. Согреться. Но все это — желания тела, а в голове, там, где должны были храниться знания о самой себе, огненной пеленой дрожал ужас, готовый снова вырваться на свободу.

— Я не знаю! Мне холодно! — выпалила она первое, что пришло на ум. Губы тряслись, и слова получились невнятными.

Он кивнул. Устало и как-то обреченно.

— Пойдем, поищем тебе одежду.

Но не двинулся с места.

Девушка отлепилась от сыроватой шершавости стены и шагнула к светофору, чье мигание на свету потускнело, но не прервалось. Странное лицо парня со сложным именем внезапно озарилось улыбкой. Он шагнул следом.

— Что такого? — подозрительно покосилась на него девушка.

— Ты идешь на запад. Я надеялся...

— И что?

Она оглянулась: низкое солнце действительно осталось у них за спинами.

— Значит, тебе нужно вспомнить! А времени только до заката. Нам сюда.

Он неожиданно свернул за угол дома, и она увидела в торце здания дверь. «Женская одежда» — гласила аляповатая вывеска, неяркая, словно выцветшая от времени.

— Так закрыто же? — удивилась она.

— Нет. Замки здесь не работают. Все везде открыто.

— Да объясни же ты наконец, здесь — это где? — почти выкрикнула девушка и с опаской переступила порог магазинчика следом за своим проводником.

— Здесь — это здесь. В этом месте. В этом городе. В этом мире, если хочешь.

Он нашел выключатель и пощелкал туда-сюда. Загорелся свет. Очень тусклый, словно лампы — обычные белые лампы дневного света — израсходовали весь ресурс. Но — желтый, совсем не похожий на настоящий — свет ее почему-то обрадовал. Слабый символ чего-то нормального, обыденного, неизменного.

— В каком еще мире? Что происходит?

Она растерянно замерла в центре небольшого помещения.

— Я расскажу тебе все, только обуйся сначала, нам нужно идти.

Парень прислонился к обшарпанному прилавку и скрестил на груди руки.

Вешалки и полки были битком набиты одеждой и обувью. Девушка бросилась к ботинкам, в два ряда выстроившимся на полках у дальней стены. И застыла. Размера своей обуви она тоже не помнила...

— Приложи к ноге, — терпеливо подсказал парень. «Алик? Алекс?»

Она примерила черные, с аккуратным носом и хорошей прошивкой, ботинки фирмы DINO,

и вдруг сердце замерло, а потом забилося быстро-быстро.

— Дино, — произнесла она вслух. Звучало знакомо, но неправильно. — Дино... Дина!

Как была, в одном ботинке, размахивая вторым перед лицом ошарашенного парня, она пустилась в пляс по тесному залу магазинчика.

— Дина, Дина! Меня зовут Дина! Я вспомнила!

— Молодец!

Парень широко улыбнулся, казалось обрадовавшись не меньше, чем она сама.

«Дина! Дина!» — имя крутилось в голове, теплое, уютное, родное, но... Больше там ничего не было. Одно-единственное слово, которым можно было обозначить себя, и все.

Девушка сняла. Зашнуровала второй ботинок, стянула с вешалки первую попавшуюся куртку и вопросительно посмотрела Алексу (как он там себя назвал? Пусть будет Алекс) в лицо. Оно по-прежнему иногда мерцало, словно подергивающееся рябью изображение на экране телевизора, но больше не пугало.

— Этого мало. — Он как будто прочитал ее мысли. — Нужно вспоминать дальше. Тогда ты сможешь вернуться.

— Куда вернуться?

— Не знаю. Домой. Туда, откуда пришла.

— А ты? Почему ты не возвращаешься?

Дина уловила едва заметный оттенок горечи в его словах.

— Не знаю. Не могу вспомнить. Пошли, — сухо ответил он, толкнул дверь и вышел наружу.

По дороге к двери стояло большое зеркало в наклонной металлической раме. Дина, проходя мимо, мельком глянула на свое отражение и тут же сделала шаг назад, сообразив, что вообще не знает, как, собственно, выглядит.

Лицо показалось незнакомым, чужим. Довольно красивым. Тонкий нос, немного полноватые, зато идеально очерченные губы, чистая кожа высокого лба, яркие зеленые глаза. Девушка в зеркале должна была гордиться своей внешностью. Но Дина ее видела впервые. Стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони, она хмуро сообщила отражению:

— Я — Дина.

Отражение нахмурилось в ответ. Она отвернулась и вышла из магазинчика вслед за Алексом.

— У меня часы встали, — прервала Дина молчание, когда перекресток с мигающим светофором остался далеко позади.

— Здесь часы не ходят. Никакие. Я проверял.

— Что здесь еще не так?

Она пробежала глазами по ближайшей вывеске. Вывеска как вывеска.

— Много что, но тебя это не должно беспокоить. Лучше следи за солнцем.

— Зачем?

Дина оглянулась. Мутный диск, зависший на уровне средних этажей между двух одинаковых кирпичных «точек», еще не добрался до кромок их высоких крыш.

— У тебя есть только этот день. Не успеешь вспомнить и поймать последний луч — пропадешь.

— Не поняла. Ты же не пропадаешь?

— Я — нет. И в этом нет ничего хорошего. Я здесь такой не один. Некоторые совсем потерялись. Некоторые, как я, пытаются понять. А кое-кто... Тебе это не нужно.

Он замолчал.

— Слушай, мы идем неизвестно куда. Убежали неизвестно от кого. Ты ничего не хочешь объяснить толком. Может, я вообще пошлю тебя на фиг и... — Дина покрутила головой, — пойду вон в кафе. Пить хочу. И есть хочу тоже!

Конечно, она врала. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас остаться одной в этом пустом страшном месте. Дина огляделась. Широкую улицу, на которую они свернули, тусклые полосы трамвайных путей разрезали на две половины, и нигде — ни впереди, ни позади — по-прежнему не было заметно никаких признаков жизни. По-прежнему совсем отсутствовали автомобили. Она еще не увидела ни одного, пусть даже и неподвижного.

— Машин нет, — удивленно озвучила Дина последнюю мысль.

— Нет, — согласился Алекс. — Никакого транспорта, совсем. Я как-то добрался до аэропорта, так там ни одного самолета. И вообще — очень неприятное место.

Он внимательно посмотрел на спутницу и решительно кивнул.

— Хорошо. Давай зайдем в кафе. Не уверен насчет еды, но попить-то мы сможем. Я расскажу то, что знаю, только ты не пугайся.

«Не пугайся». Дина была напугана так, что сомневалась, можно ли бояться сильнее.

В небольшом, на четыре столика, зале царил загадочный полумрак. Алекс, не задерживаясь в дверях, прошел к большому окну, сгреб пластинки опущенных жалюзи в кулак, а потом с силой дернул вниз. Жалюзи оборвались и с металлическим шорохом, скрипя по простенкам пластинками позолоченного алюминия, соскользнули вниз. Стало значительно светлее.

— Ты зачем? — поразила такому варварству Дина.

— Темно. Оно предпочитает мрак.

— Какое «оно»? Что это значит?

Она догадалась, что речь идет о том, кто издавал жуткий звук в супермаркете. Воспоминание заставило ее передернуться.

— Погоди.

Алекс деловито направился за стойку, чем-то там погрел, и на бежевой пластиковой столешнице появились две чашки, горка пакетиков с крекерами «Тук» и орешками. Кофейный автомат тихо загудел.

— Повезло! — возникла над стойкой взлохмаченная голова Алекса. — Электричество тут часто глючит. Иногда чайник можно час греть, а чаще всего напряжения просто нет совсем.